

Барменкова О. П. Семантична своєрідність реципієнтної концептосфери в компаративній моделі світу І. Бабеля.

У статті розглядається реципієнтна зона компаративної моделі репрезентації концепта людина крізь призму теорії предикатів в ідивідуальній картині світу І. Бабеля. В реципієнтній зоні людина представлена як фізична особа, що включає такі субконцепти: очі, обличчя, голова, живіт, рот, груди, борода, шия, зуби, ніс, зморшки, і як психічна особа, що включає ментальну та емоційну сфери. Ознаки людини в більшості випадків маніфестованно предикатами, які є базою в компаративній моделі. При відсутності предиката його можна легко відтворити. В статті виділені предикати якості, дії та абстрактних понять.

Ключові слова: російська мова, компаративна модель, предикат, картина світу, І. Бабель.

Barmenkova O.P., Semantic Peculiarities of the Recipient Concept Sphere in the World Comparative Model of I. Babel.

In this paper we study a recipient zone structure of the comparative representative model of an individual concept via the predicative theory in I. Babel's individual world picture. In the recipient zone an individual is presented both as a physical person (sub-concepts: eyes, face, head, stomach, mouth, breast, beard, neck, teeth, nose, wrinkles) and as a mental person (sub-concepts: mentality and emotional sphere). Mostly the individual behavior is described by predicates that are fundamentals for the comparative model. In the absence of the predicates they can be easily found. Among predicates are chosen predicates of quality, action and abstract concepts.

Key words: Russian language, I. Babel, comparative model, predicate, world picture.

Надійшла до редакції 29.09.09

Прийнято до друку 04.11.09

УДК 811.161.:81'367.624

И. Н. Литвин

МОДУСНЫЙ МОТИВАТОР РУССКИХ НАРЕЧИЙ

Статья посвящена когнитивно-ономасиологическому анализу мотивации русских наречий. Описывается роль модусного компонента в мотивации наречий, при которой производное наименование опирается на оценочно-эмоциональное восприятие именуемого.

Ключевые слова: когнитивно-ономасиологический анализ, мотивация, диктум, модус.

Традиционно проблема мотивации как процесс означивания представлений о референте на базе мыслительной и лингвистической его связи с другой реальией рассматривалась на грани словообразования и лингвистической семантики (О. И. Блинова, Е. А. Земская, О. П. Ермакова, В. В. Лопатин, И. С. Улукханов, М. Н. Яценецкая). Однако мотивация – феномен не только языковой системы, но и человеческого сознания. В русле когнитивной ономасиологии качественно новое понимание мотивации предлагает Е. А. Селиванова: «Мотивация – это сквозная для модели порождения [наименований] психоментальная операция, результатом которой является семантико-ономасиологическая зависимость языковых знаков (производного и производящего), возникшая на основе сложной системы коннекций концептов человеческого сознания» [7, 158].

Для анализа мотивации Е. А. Селивановой разработан когнитивно-ономасиологический анализ, который предполагает встречное исследование: от ономасиологической структуры обозначаемого к структуре репрезентации знаний об обозначаемом и наоборот. Результатом такого анализа является выявление закономерностей выбора ономасиологического признака и базиса из мотивирующей базы структуры знаний об обозначаемом, основывающейся на модели ментально-психонетического комплекса, который «включает структуру истинностных знаний об обозначаемом (уровни диктума), его оценку (модус), ассоциативно-терминальный компонент, сформированный на основе связей диктума с другими ментально-психонетическими комплексами, а также множественные реляции с другими психическими функциями и проявлениями: ощущениями, чувствованиями, интуицией, образами и т.д.» [7, 322]. В зависимости от статуса фрагмента ментально-психонетического комплекса, избранного в качестве мотивационной базы, выделяем пропозитивную, ассоциативно-терминальную, модусную и смешанную мотивацию [7, 112–114; 8, 160; 9, 402].

Цель нашей статьи – охарактеризовать мотивационную функцию модусного компонента в массиве русских наречий. Понятие модуса (лат. *modus* – мера, способ, образ, вид) как свойства предмета, присущего ему только в некоторых состояниях и зависящего от окружения предмета и тех связей, в которых он находится, используют в философии и логике. В начале XX века Ш. Балли ввел в научный обиход понятие модуса, рассматривая его как индивидуальную оценку излагаемых фактов, которая противостоит диктуму – фактическому содержанию высказывания [1]. Модус как в логике, так и в лингвистике соотносился с понятием модальности (ср.: модальность от лат. *modus*). В логике модальность рассматривается как оценка высказывания, данная с той или иной точки зрения. Связывая понятия модуса и модальности, Ш. Балли определяет модальность как активную мыслительную операцию, осуществляемую говорящим субъектом над представлением, содержащимся в диктуме [1]. В современной лингвистике модальность реализуется как функционально-семантическая категория, выражающая разные виды отношений высказывания к действительности, а также разные виды субъективной квалификации сообщаемого. Тем самым, термин модальность используется для обозначения широкого круга явлений, неоднородных по смысловому объему, грамматическим свойствам и степени оформленности на разных уровнях языковой системы. Одной из разновидностей модальности и в логике, и в лингвистике является аксиологическая (оценочная) модальность.

В ментально-психонетическом комплексе одним из компонентов мыслительных структур, коррелирующим как с диктумом пропозиции, так и ассоциативно-терминальным фрагментом, является модус. Данный компонент базируется на принципе аксиологичности, так как он «направлен на объяснение рефлексов оценки в ономасиологической структуре, а также репрезентации оценочно-идеологических характеристик языкового кода» [7, 46].

Модус коррелирует с психическими функциями эмоциональных ощущений, чувствований, переживаний, которые закрепляются в оценке концепта [7, 169], тем самым, отражая не только мыслительную интеллектуальную природу оценки, но и ее психический механизм, заключающийся в релятивно-антропоцентрической проекции окружающей действительности на сферу чувств, ощущений, образов. Человек всегда оценивал окружающий мир и самого себя в этом мире, создавая базу для психо-когнитивной оценочно-эмоциональной категоризации. Объекты окружающего мира помещаются человеком в одну из точек шкалы “хорошо – нейтрально – плохо”, что находит отражение в

производных лексических единицах. М. Н. Янценецкая отмечает эмоционально-экспрессивную оценку мотиватора, переходящую в производную единицу, но без сохранения сколько-нибудь ощутимой семантической связи между ними [12, 53]. Мотивацию, при которой производное наименование опирается на оценочно-эмоциональное восприятие именуемого, названо модусной [7, 170]. С когнитивной точки зрения модусная мотивация – это высвечивание в процессе внутреннего программирования наименования модусного компонента в его корреляции с другими психическими функциями. При производстве отсубстантивных наречий модус может реализоваться в двух видах: **психонетическом** как результат переживаний, чувствований, интуиции (эмоционально-экстатическая оценка) и **менталистском** как интеллектуально-логическая оценка именуемого (хорошо, плохо; желательно, нежелательно) [см.: 5, 139–145].

Для **первой** разновидности данного типа мотивации характерна корреляция модуса с переживаниями, чувствами. Она присуща отсубстантивным наречным производным с ярко выраженной эмоционально-экспрессивной оценочностью: *ужас, страх, страсть, смерть, жуть* – транспозитивным образованиям от именительного падежа существительных. Их механизм производства на уровне лексико-грамматических свойств описан Е. М. Галкиной-Федорук: “Существительные, выступая в несвойственной им роли определения, теряют свое прежнее предметное значение и переходят в определенно-качественные слова при глаголе” [3, 384]. Вслед за О. Есперсеном, обратившим внимание на распространенность эмоциональных наречий типа *страсть (какой ловкий)* и т.п. в женской речи [13, 233–234], В. В. Виноградов также отмечал “яркую эмоционально-качественную окраску” [2, 288] таких слов, что подтверждает мысль о доминировании модуса при образовании данных наречных производных. Когнитивный механизм производства таких наречий объясняется селекцией модусного компонента мотиватора, коррелирующего с сильными эмоциональными ощущениями, придающими наречию значение интенсива и погашающего содержание денотата. На базе абстрактных существительных *страх* “Очень сильный испуг, сильная боязнь” [10: 4, 283]; *ужас* “Чувство сильного страха, доходящее до подавленности, оцепенения” [10: 4, 473]; *страсть* “Ужас, страх” [10: 4, 282]; *жуть* “Тревожное чувство страха, ужаса” [10: 1, 489]; *смерть* “Прекращение жизнедеятельности организма” [МАС: 4, 152]; *беда* “То же, что несчастье” [МАС: 1, 67] формируются наречные лексемы со значением “Очень, чрезвычайно, в высшей степени” [МАС: 4, 152; 282; 283; 473; 1, 67; 282]: – *Мальчики, милые! Я так рада! Где вы были? Куда вы ездили? Я жуть рада* (В. Рошин); *Мне страх не нравится, что ты поэт, Что ты сдружился с славою плохую*” (С. Есенин); – *А я, дядя Карп, страсть по тебе соскучился* (Ф. Гладков); – *Он хороший... строгий такой... и ласковый. Сильный... ужас*” (В. Осеева); “[Почмейстер:] **Смерть** люблю узнать, что есть нового на свете” (Н. Гоголь); “*Хороший мужик... беда хороший*” (Н. Златовратский). На концептуальном уровне рассматриваемые наречные производные занимают место интенсива в структуре концепта, на синтаксическом – выполняют роль обстоятельства меры и степени, примыкая к эмоционально-экспрессивным глаголам, прилагательным, наречиям. При этом наречные производные не теряют эмоционально-экспрессивной коннотации: оценочный компонент актуализируется как в самом наречии, так и в слове, к которому примыкает наречие (*ненавидеть, любить, скучать, рад* и т.п.).

Довольно часто коннотативное значение рассматриваемых лексем усиливается словами *как, какой*: *Очень поэтично, – сказал Пастухов, – но ты смерть как скучно рассказываешь* (К. Федин); *Оно, слышь, ветрено поначалу в тайге было. Зверь такую погоду страсть как не любит* (Г. Марков); – *А я б не могла сестрой, право слово, – я крови ужас как боюсь* (А. Фадеев). Сочетаясь со словом *сколько*, данные наречные лексемы

обуславливают усилительность значения неопределенного количества “очень много”: *Страх сколько было возни с нашими многочисленными гостями* (Кюи); *Шутка ли, сколько вы на меня истратили. Ужас сколько денег!* (Ф. Достоевский).

Примечательно, что в существительном-мотиваторе подобных слов заключена, как правило, отрицательная оценочно-эмоциональная окраска, тогда как в производном наречии как отрицательная, так и положительная, при значительном преобладании последней: *Дед у нас ужас какой смелый*” (К. Паустовский); *Нет нигде такой малины, как у нас на свежих вырубках. Жирная растет ягода. Ее и медведи страсть любят* (С. Антонов). Тем самым наблюдается полюсное оценочное смещение в процессе производства и употребления данных наречий. Исключение составляет наречная лексема *чудо*, образованная от существительного *чудо* – “нечто небывалое, необычное, что вызывает удивление” [МАС: 4, 691], которая всегда имеет положительный модус: *Его черный сюртук, рыжая борода и золотые очки были чудо как хороши* (А. Толстой).

Для наречия-интенсива *власть* “До полного удовлетворения вдоволь” [МАС: 1, 232] модус, коррелирующий с первичными вкусовыми, а затем чувственно-эмоциональными ощущениями, является исходным мотиватором в концепте производящего (*сласть* (*сладость*) 1) “Приятный, сладкий вкус”, 2) “Приятное ощущение, удовольствие, наслаждение” [МАС: 4, 132]): *Можно было и оторваться от наскучившей работы, и поговорить власть*” (Б. Лавренев); *Плясали гости власть*” (Л. Татьяничева). **Синестезия.**

Процесс семантического сдвига эмоциональных ощущений, сопряженных с определенной оценкой, к значению интенсивности наблюдается в наречиях как русского, так и других языков. Ю. В. Откупщиков отмечает, что это частотное явление. Так, русский предикатив *больно* – “ощущая душевную или физическую боль” теряет значение денотата, сохраняя при этом эмоциональные ощущения, вызываемые этим словом, приобретает значение интенсивности “очень, весьма сильно”. Ср.: *Что ж мне так больно и так трудно?* (М. Лермонтов) и *Вижу, Азамат, что тебе больно понравилась та лошадь* (М. Лермонтов); *Больно тихо едем* (С. Антонов). Немецкое слово *sehr* имело изначально значение “мучительно, больно”, в современном немецком языке наречие *sehr* реализует значение “очень” [см.: 6, 53].

Подобный механизм образования характерен и для русских отадъективных наречий со значением меры и степени *страшно, ужасно, смертельно, жутко* – «чрезвычайно, очень сильно: о степени проявления интенсивности чего-либо»: *Наше с тобой искусство – страшно бедное искусство* (А. Куприн); *Было раннее утро, и мне смертельно хотелось спать* (Салтыков-Щедрин); *Зима выдалась жутко холодной и вьюжной* (Г. Марков).

В противовес рассмотренной выше психонетической разновидности модусной мотивации, **интеллектуально-логическая** разновидность характеризуется возникновением оценочных компонентов в сфере мышления. Такая оценка присуща мотиваторам наречий *слишком, чересчур, вконец*. Наречие *слишком* – “Сверх меры, чересчур” [МАС: 4, 138], производное от просторечного существительного *лишек* – “То, что превышает какую-либо норму, меру” [МАС: 2, 192] несет на себе отпечаток модуса мотиватора, который отрицательно оценивается как то, что сверх нормы, меры (ср.: *не в меру*): *Слишком я люблю на этом свете Все, что душу облекает в плоть* (С. Есенин); *Слишком сладко земное питье, слишком плотны любовные сети* (А. Ахматова). Отрицательная оценочность данного наречия закрепились во фразеологизме *слишком (это)* – “Это переходит границы допустимого, терпимого” [МАС: 4, 138]: *Но чтоб его развозили по домам в тележке, да еще и запряженной какой-то нарядной пони, – это было уж слишком* (В. Катаев). Специфика данного весьма продуктивного в русском языке наречия заключается в способности сочетаться с различными частями речи, в частности, с прилагательными (чаще краткими), глаголами (в том числе деепричастиями,

причастиями), числительными (неопределенно-количественными словами), наречиями, предикативами: *Люди, может быть, слишком Мы в себя влюблены* (Ю. Друнина); *Он [Гришка] играл хорошо, только слишком орал* (В. Каверин); *Ты сам мне подал слишком много* (М. Цветаева); *Я слишком часто выдывал, как пламя Жилье и жизнь под самый корень жгло...* (С. Наровчатов); *Слишком хорошо вокруг, чтобы думать о плохом. Довольно часто наречие слишком употребляется в сочетании с отрицательной частицей не, реализуя значение “Не очень”:* *Тот, кто часто говорит “дурак”, чаще всего не слишком умный человек* (В. Катаев). Существительное *лишек* является мотиватором и уже устаревшего наречия-интенсива *лишку* “Больше, чем нужно, излишне много” [МАС: 2, 192]: *Старик натолкал их [дров] в печку лишку, видать, забыл, что лиственница горит гораздо жарче других древесных пород* (В. Федосеев).

Отрицательная оценочность характерна и для этимологически отсубстантивного наречия *чересчур* “Слишком, чрезмерно, сверх меры” [МАС: 4, 664]: *Я тогда была чересчур самонадеянной и уверенной в себе* (И. Одоевцева); *Удар был хорош, – сказал Рен, – но чересчур добросовестен* (А. Грин). Данное наречие образовано путем сращения сочетания *через чур*; последнее слово зафиксировано в диалектах в значении “граница, край”. Первоначально значение *чересчур* – “Через возможный предел” [КЭСРЯ, 491]. Отрицательная оценочность наречия связана с табунистическими представлениями о пределе как границе, где начинается запрет (ср.: междометие *чур*, которое употребляется в сочетаниях со словами *меня, нас* в заклинаниях против нечистой силы, играх и обозначает запрет касаться чего-либо, совершать какое-либо действие; а также употребляется как восклицание, означающее требование соблюдения какой-либо уговор, какое-либо условие [МАС: 4, 604]). Наречие *чересчур* утратило денотативное значение, но сохранило коннотативное (оценочное): переход через край, определенную границу в сознании номинаторов связан с запретом, а значит, с оценкой ПЛОХО.

Наречие *вконец* “Совершенно, совсем” [МАС: 1, 181] образовано на базе существительного *конец* “Предел, граница, последняя точка чего-нибудь в пространстве или во времени” [МАС: 2, 88], актуализируя в ономаσιологической структуре ономаσιологический базис *в*, экспрессивность и отрицательную оценочность: *Теперь, обедневший и помрачневший вконец, он пользовался известностью* (В. Набоков). В семантической структуре наречия погашаются интегральная сема пространства, а на передний план выдвигаются коннотативные оттенки.

Оценочность русских производных наречий обусловлена аксиологичностью мотиваторов, которые позначают устойчивые концепты русской культуры. К таким мотиваторам принадлежат ПУТЬ, ДОБРО, ВОЛЯ, ЛАД, ЗЛО. Так, при образовании устаревшего наречия *путем* “Толком, надлежащим образом, как следует” [МАС: 3, 567] используется мотиватор-концепт ПУТЬ, обычно связанный с положительными эмоциями (ср.: *путь-дороженька, путевый*), что нашло отражение в пятом значении данного слова “Польза, прок, толк” [МАС: 4, 565]). Положительный модус стал основой мотивации наречия *путем*: *Все будет сделано путем; Жилкин был слабосильный и неловкий: ни дров путем наколоть не умел, ни костер сложить* (С. Антонов).

Положительной аксиологичностью, исходящей из концептуально значимого в русской культуре мотиватора ЛАД “Согласие, мир, дружба, порядок” [МАС: 2, 159], отмечены наречия *ладом* “Общим согласием, порядком, толком, дельно” [Даль: 2, 133], *ладком* “Согласно, дружно” [МАС: 2, 159]: *Сядем рядком, поговорим ладком* (Пословица).

Подобной ориентацией на мотиватор *добро* – “все положительное, хорошее” [10: 1, 409] характеризуются наречия *добро* – “ласково, приветливо” [10: 1, 409], *добром* – “по доброй воле, добровольно” [10: 1, 410]: *Елисей остановился, очень добро посмотрел вверх*

и улыбнулся (Емельянова); *Идите добром, прохожие люди, а то собаками притравлю!* (М. Шолохов); *Но речь одна, когда добром, – не по нужде суровой Мы край на край и дом на дом Иной сменитъ готовы* (А. Твардовский).

Одним из наиболее распространенных в русской ментальной культуре является концепт ВОЛЯ. На основе данного мотиватора сформировались наречия-антонимы *волей, неволей*. Наречие *волей (волею)* – “по собственному желанию, без принуждения, добровольно” [10: 1, 209] актуализирует в ономасиологической структуре ономасиологический признак *воля* – “желание, хотение, требование” [10: 1, 209], ономасиологический базис *-ей (-ею)*, а также положительную оценочность, содержащуюся в существительном-мотиваторе: [*Митя:*] *Разве силой возьмут, волей не отдам. Я за тебя, Люба, душу положу!* (А. Островский). Наречие *неволей (неволею)*, высвечивая в ономасиологической структуре ономасиологический базис *-ей (-ею)* и отрицательную оценочность, характерную для существительного-мотиватора *неволя* – “принуждение, сила и власть обстоятельств, необходимость” [10: 2, 429], имеет два значения: 1) “Против воли, принудительно, насильно”; 2) “Независимо от воли, невольно” [10: 2, 429], которые реализуются в зависимости от контекста: [*Посол*] *сказал, что уже целый месяц неволею прожил в Астрахани, но больше не может ждать* (А. Злобин); *Увижу ль я девушку. Увижу ль я красную. Забьется неволею Сердечко удалое – Любовию чистою* (А. Кольцов). Существительное *неволя* стало базой и для формирования наречия *поневоле* – “по необходимости, вопреки желанию” [10: 3, 288]: *Шли замуж поневоле мы, женились по нужде* (А. Твардовский).

Наречие *назло* – “с намерением разозлить” [10: 2, 410] занимает место дестинатива – “указывающего цель, предназначенность действия, с семантикой эмоционально-оцениваемого результата” [4, 193], характеризуется отрицательной оценочностью, которая заключена в мотиваторе – абстрактном существительном *зло* – “злое чувство, гнев, досада” [10: 1, 612]: *...К решению Светланы поехать в Сибирь прибавилось и желание сделать назло...* (И. Лазутин).

В результате корреляции модуса со слотами пропозиции образованы антонимические наречия *толком* и *без толку*, мотиватором которых является существительное *толк* – “прок, польза” [10: 4, 374], имеющее положительную оценочность. Положительная оценочность, заложенная в существительном, сохраняется и в производном наречии *толком*, которое, сочетаясь с глаголами речи, реализует значение: “Так, чтобы можно было понять, толково, ясно” [10: 4, 375]: *Вы бы мне объяснили толком, почему вы переехали?* (В. Набоков), а также “Серьезно, настойчиво” [10: 4, 375]: *– Ты не мотай! Толком спрашиваю. Откудова, кто такая?* (Б. Лавренев), а в сочетании с другими глаголами означает “Хорошенько, как следует” [10: 4, 375]: *И не успел взглядеться толком, А вот уже ушла из глаз. А позади осталась Волга, В пути не покидая нас* (А. Твардовский), *– Придется поехать самому и все толком разузнать в городе* (Г. Марков). В наречной лексеме *без толку* – “беспорядочно, бестолково” [10: 4, 374] положительная оценочность сменяется на отрицательную, что обусловлено семантикой ономасиологического базиса *без, -у*, указывающего “на отсутствие чего-либо...” [10: 1, 68]: *– Но зачем умирать без толку, когда вы еще можете пригодиться?* (Б. Лавренев).

Исследование наречных производных, мотиватором которых является модус, позволяют сделать вывод о том, что в номинативных единицах фокусируются эмоции, оценки, опосредующие восприятие человеческим сознанием мира и себя в этом мире и о возможности дальнейшего изучения этого процесса на примере различных классов слов как русского, так и других языков.

Литература

1. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка /Балли Ш.– М. : Изд-во иностр. лит., 1955. – 416 с.

2. Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / Виноградов В. В. – М. : Высшая школа, 1972. – 614 с.
3. Галкина-Федорук Е. М. Наречие / Галкина-Федорук Е. М. // Современный русский язык. Морфология. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1952. – С. 362–393.
4. Золотова Г. А. Синтаксический словарь. Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / Золотова Г. А. – М. : Наука, 1988. – 440 с.
5. Литвин И. Н. Мотивация русских отсубстантивных наречий в когнитивно-ономасиологическом аспекте : дис...к. филол. н.: 10.02.04. – К., 2002. – 193 с.
6. Откупщиков Ю. В. К истокам слова : Рассказы о науке этимологии / Откупщиков Ю. В. – 3-е изд., испр. – М. : Просвещение, 1986. – 176 с.
7. Селиванова Е. А. Когнитивная ономасиология / Селиванова Е. А. – К., 2000. – 248 с.
8. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика : напрями та проблеми / Селіванова О. О. – Полтава : Довкілля-К, 2008. – 712 с.
9. Селіванова О. О. Сучасна лінгвістика : термінологічна енциклопедія / Селіванова О. О. – Полтава : Довкілля-К, 2006. – 716 с.
10. Словарь русского языка. В 4 т. / Под ред. А. П. Евгеньевой. – М. : Русский язык, 1981–1984.
11. Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. Этимологический словарь русского языка / Шанский Н. М., Иванов В. В., Шанская Т. В. – М. : Просвещение, 1975. – 543 с.
12. Янценецкая М. Н. Семантические вопросы теории словообразования / Янценецкая М. Н. – Томск : Изд-во Алтайского ун-та, 1979. – 237 с.
13. Jespersen O. Die Sprache, ihre Natur u.s.w. – 1925. – S. 233–234.

Литвин І. М. Модусний мотиватор російських прислівників.

Стаття присвячена когнітивно-ономасіологічному аналізу мотивації російських прислівників. Охарактеризована роль модусного компонента в мотивації прислівників, за якої похідна назва ґрунтується на оціночно-емоційному сприйнятті названого.

Ключові слова: когнітивно-ономасіологічному аналіз, мотивація, диктум, модус.

Lytvyn I.M. Modus motivator of Russian adverbs.

The article deals with the cognitive-onomaseological analysis of motivation of Russian adverbs. The role of modus component in motivation of adverbs in which the derivative name is based on evaluation-emotional perception of the named is described.

Key words: cognitive-onomaseological analysis, motivation, dictum, modus.

Надійшла до редакції 26.03.09

Прийнято до друку 04.11.09

УДК 398.6:811'37

О. І. Тимченко

**ЗАГАДКА ЯК МОВНА ГРА
(НА ПРИКЛАДІ АНТРОПОМОРФНОГО ЛЕКСИКОНУ)**

У статті проаналізовано засоби мовної гри в українських народних загадках на прикладі використання антропоморфного лексикону. Кодування в загадках здійснюється на лексичному, метафоричному та фреймовому рівнях, на кожному із яких